

АИНА БЛИНКЕНА

ТРАДИЦИЯ И НОВАТОРСТВО В НОРМАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА

При рассмотрении проблемы нормализации языка обычно подчеркивается необходимость соблюдать строгую систему, достигать полной логичности и точности языка. Но, как показывает материал языка, не все в языке подчиняется системности, не все тут «логично» в прямом смысле этого слова; недаром в грамматики всех языков включается целый ряд списков разных исключений, т. е. слова, которые не вводятся в системную парадигматику и имеют свои грамматические особенности. Напр., латышские глаголы III спряжения *mācīt, mīcīt, mocīt, locīt, slodzīt, tūcīt* спрягаются по-разному: нет чередования согласных в глаголах *mācīt, mīcīt, tūcīt* (*es māci, mīci, tūci, tu māci, mīci, tūci, viņš māca, mīca, tuca* и т. д.), но в глаголах *mocīt, locīt, slodzīt* употребляются как формы с чередованием согласных (*es moki, loki, slogu; tu moki, loki, slogi; viņš moka, loka, sloga...*), так и формы без чередования (*es moci, locu, slodzu, tu moci, loci, slodzi; viņš moca, loca, slodza...*), хотя литературной нормой признаны только формы с чередованием согласного. Известная нерегулярность наблюдается не только в морфологии, но и в синтаксисе, в частности в управлении разных слов. Не только логика грамматики определяет то, что мы говорим *ехать на самолете, на трамвае и ехать поездом; приехать из Москвы, из Ленинграда, но приехать с Урала*. Совершенно не подчиняются формальной логической системе фразеологизмы, которые имеют «свою логику», напр., лтш. *saulē lec букв. солнце прыгает «солнце восходит»* и т. д.

Ф. П. Филин писал: «Язык -- особого рода система, в которой системность диалектически сочетается с антисистемностью, правила с исключениями. Не было бы в языковой системе противоречий, она была бы мертвой и застывшей схемой, не способной к развитию и прогрессу. Понять и объяснить устройство этой противоречивой системы можно только с позиций диалектического и исторического материализма. Синхронное исследование языка, всегда существовавшее в языкоznании и необходимое для многих целей, только описывает его состояние, тогда как историческое изучение имеет объяснительную силу, поскольку оно показывает, что предшествовало чему, почему происходили или происходят те или иные изменения, почему язык стал тем, каким мы его знаем»¹.

¹ Филин Ф. П. Об актуальных задачах советского языкоznания.— ВЯ, 1981, № 1, с. 5.

Литовский языковед Пяトラс Йоникас еще в 1937 г.² подчеркивал необходимость согласования социальных и индивидуальных факторов для достижения такой литературной нормы, которая была бы оптимальна для определенного коллектива. Он признавал стабилизацию нормы, но в такой степени, чтобы эта стабилизация не деградировалась до стагнации, которая может довести до онемения языка. По словам П. Йоникаса, в языке не существует математическая регулярность; в определении нормы действуют и другие критерии, напр., цели и функциональности, которые в современном литературном языке имеют тенденцию занимать первое место в процессе нормализации, и эти критерии уже выходят за границы одного языка. Поэтому П. Йоникас уже тогда признал возможность вариативных и параллельных форм языка, согласуясь со словами представителя Пражского лингвистического кружка Вилема Матезиуса: «Можно спорить о принципах подхода, но нельзя создать систему контроля над языком, которая бы функционировала точно и бесперебойно как автоматический электрический выключатель»³.

Чешский языковед В. Матезиус, сторонник теории самостоятельности литературного языка, много внимания уделяет принципам нормализации языка, и он отвергает в нормализации принцип прямолинейной регулярности: «Принцип исторической чистоты и требование прямолинейной регулярности не могут быть, следовательно, ни каждый в отдельности, ни оба вместе надежной базой для установления стабильности в литературном чешском языке. Если чересчур полагаться на них, то в конце концов нарушается уже достигнутая стабильность, а тем самым подрывается одно из главных условий языковой ошифованности»⁴.

Нет необходимости подвергать строгой системе все языковые явления, если в языковой практике они уже укоренились. Так, напр., в латышском языке отлагательные прилагательные на *-īgs* обычно образованы на основе глагола прошедшего времени (*dot, dodu, devu — devīgs; smiet smēju, smēju — (iz)smējīgs; pēmt, pēti, pēti — pieņēmīgs*), но в языке встречаются и случаи, когда традицией укреплены подобные дериваты, образованные на основе настоящего времени (*mirt, mirstu, miru — mīrstīgs; šķirt, šķiru, šķiru — atšķirīgs*), поэтому и потерпели поражение попытки языковедов признать нелитературными прилагательные *jūtīgs, līdzjūtīgs*, которые образованы на основе настоящего времени глагола. Подобным образом не удалось искоренить из языка глаголы *pirot* и *slēpot*, которые укрепились традицией вместо более «правильных» форм *piņēt, slēpēt* и под. Несмотря на то что уже лет 50 языковеды ведут борьбу со словом *patreiz* (вместо правильного *pašreiz*), эта борьба

² Jonikas P. Mūsų bendrinės rašomosios kalbos kultūros problema. Kalbos normatizacija, funkcinė struktūra ir kalbininkai.— Zidinys, 1937, Nr. 12, p. 529—544.

³ Матезиус В. О необходимости стабильности литературного языка.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 392.

⁴ Там же, с. 385.

остается бесплодной. Очевидно, что языковая система допускает варианты *pat-* и *paš-* даже в таких образованиях, в которых трудно установить семантические или словообразовательные различия. В латышском языке имеются слова с компонентом *paš-* (<*paša*, *pašu*): *pašlaik*, *pašlabums*, *pašsavaldaiba*, *pašlepnuts*, *pašdarbība*, *pašgājējs* и др., в состав которых этот компонент входит в «законной» форме. Но наряду с тем существуют и слова с первым компонентом *pat-* (от основы именительного падежа *pats*): *patlaban*, *patmūiba*, *patvaldība*, *patvarīgs*, *patvaļīgs*, *patšautene* и под., в том числе и лингвистический термин *patskanis* «гласный», употребляемый всеми языковедами без возражения. Поэтому следовало бы признать литературными оба варианта: *pašreiz* и *patreiz*. Можно привести и другие подобные примеры.

Большое значение в языке имеет традиция адаптации иноязычных слов, в частности имен собственных. В латышском языке до сих пор в принципе существуют те правила и приемы передачи иноязычных имен собственных, которые были созданы Юрисом Алунансом лет 120 назад,— адаптировать их в такой форме, которая по возможности соответствовала бы произношению на языке-оригинале⁵. Но в некоторых случаях традиция укрепила неточные варианты передачи, такие как *Maskava*, *Parize*, *Pērnava*, *Florence*, *Brails*, *Meterlinks*, *Lāgerlefa* и др. Думается, что следовало бы сохранить эти слова в такой форме, в какой они были укреплены долголетней традицией, и нет необходимости преобразовывать их в соответствии с современными принципами в *Moskva*, *Pari*, *Pernu*, *Firenze*, *Braids*, *Māterlinks*, *Lāgerlēva*. Иначе можно утратить историческую преемственность — вместе со словом потерянна связь с конкретным объектом.

Сказанное не значит, что не надо изучать проблему передачи иноязычных имен собственных — это даже необходимо, но при кодификации правил передачи нельзя забывать о значении традиции. Вполне оправдан сугубо индивидуальный подход к укоренившимся словам. Имена же, поступившие в язык в новое время, должны по возможности подвергаться воздействию системы.

Традиция употребления очень важна в нормализации лексики, в частности в нормализации терминологии. В этом отношении можно привести примеры двух типов.

Первый из них — слова-термины, которые укрепились в языке с определенной семантикой и сохраняются даже тогда, когда с развитием науки открываются новые признаки понятия. Так, термин *atom*, лтш. *atoms* от греческого *atomos* «неделимый» продолжает функционировать во всех языках и после того, как стало известно, что атом делится.

Подобные изменения в содержании произошли с понятием, которое долгое время обозначалось термином *вес* (лтш. *svars*, лит. *svoris*, эст.

⁵ Alunāns J. Kāds vārds par latviešu valodu.— In: Izlase. Rīgā, 1956, 45.—52. lpp.

kaal, англ. *weight*, нем. *Gewicht*). Когда ученые установили, что упомянутые термины не вполне отражают выражаемое понятие, в котором надо учесть не только массу, но и ускорение, зависимое от притягательной силы земного шара, в 1961 г. Международный комитет по номенклатуре и символам решил отказаться от термина *вес* (и соответствующих эквивалентов в разных языках) и вместо него употреблять термин *масса*. Соответственно этому постановлению во всех странах происходит переход на термин *масса* — не только в науке, но и в общих сферах употребления языка (напр., в СССР на коробках конфет написано: *масса 500 г*). В связи с этим создаются трудности в языковой практике. Так, слово индоевропейского происхождения *svars* очень укоренилось в латышском языке, является основой многих словообразований и словосочетаний, таких как *svarīgs*, *piesvars*, *tīrsvars*, *lidzvars*, *svarcelšana*, *svara kategorijas*, *svara vienības*, *nepilns svars* и др., в которых трудно употреблять термин *masa*, даже невозможно (*bezsvara stāvoklis*). На то, что решение заменить этот термин вызывает сомнения даже среди специалистов, показывает статья председателя Международной комиссии по атомным весам и относительной распространенности изотопов Н. И. Холдена⁶, в которой он отмечает, что данная комиссия в этом вопросе занимает консервативную позицию — она всегда старается избегать перемен без явной необходимости и стремится к тому, чтобы любое нововведение значительно улучшило нынешнее положение; пока эти два условия не осуществлены. Вместе с Н. И. Холденом можно сомневаться в успехе ломки традиции.

С другой стороны, нормализатор языка должен не забывать, что норма — категория историческая, что она развивается и меняется в связи с развитием языка. То, что сегодня признается нелитературным, завтра может приобрести статус литературного. Уже в трудах пражских лингвистов отменяется консерватизм как признак литературного языка и историческая обоснованность формы не считается исчерпывающим источником нормы. Р. А. Будагов, рассматривая понятие «литературный язык», обращает внимание на историческую изменчивость понятия «обработанная форма языка» и на известную динамичность представления о закрепленности норм литературного языка. Он подчеркивает, что при всей важности нормы она исторически подвижна⁷.

Если сравним, напр., указания о правильности литературной речи, которые давали В. Руке и Я. Эндзелин в 1940 г.⁸, то увидим, что многие из этих указаний уже не соответствуют реальному процессу развития

⁶ Холден Н. И. Атомный вес: быть или не быть? — Химия и жизнь, 1982, № 6, с. 30—31.

⁷ Будагов Р. А. К вопросу о месте советского языкоznания в современной лингвистике.— ВЯ, 1981, № 3, с. 16.

⁸ Valodas un rakstības jauījumi / Redīgējis J. Endzelīns, sakārtojusi V. Rūķe.— Rīgā, 1940, 64. lpp.

латышского литературного языка. В данной брошюре как неправильные образования критикуются слова *celtnis*, *ēdnica*, *izdevniecība*, *izlietne*, *lozungs*, *rēkins*, *rīvmaize* и др., которые в наши дни несомненно укоренились в литературном языке.

По мнению Б. Гавранека, «Санкцию на существование специальным словам, особенно в практическом языке, дает привычное употребление. Вжившиеся слова, независимо от способа их образования (неправильно образованные или же испорченные, как *bavlna*,ср. *Baumwolle*), имеют права на существование в языке»⁹.

То же самое можно сказать о некоторых словах и выражениях, против которых в 40-е гг. возражали В. Руке и Я. Эндзелин из-за их семантического несоответствия, напр.: *aizdomīgs* «подозрительный» относительно объекта действия, *izpildīt* «исполнить» (*pienakītu*, *solījumu*, *priekšnesītu*); авторы отрицают *krist acīs* и советуют *durtīes acīs*, но в языке права имеют как одно, так и другое выражение — оба фразеологического характера.

В латышском языкоznании иногда можно заметить известную тенденцию слишком строгого отношения к некоторым формам и выражениям, которые в свое время были признаны недопустимыми, но в современном языке употребляются часто в речи носителей литературного языка. Эта так наз. гипернормализация вредна тем, что нереальные рекомендации уменьшают престиж и эффективность тех рекомендаций, которые действительно способствуют повышению культуры речи. Из подобных гипернормальных ограничений можно назвать запрет употребления степеней сравнения некоторых причастий, как *ievērojamāks*, *apdāvinātāks*, *vispieredzējušākais* и под., рекомендацию в конструкциях сравнения употреблять только именительный падеж, напр.: *tādu rāpiņu kā kobra un pitons audzēšana*, а не: *tādu rāpiņu kā kobru un pitonu audzēšana*.

Как показывает М. М. Маковский, «в процессе употребления и развития языка общеязыковые, коллективные модели непрерывно преобразуются и видоизменяются в рамках индивидуального использования, в частности, былые запреты общенациональной нормы с течением времени могут превратиться в норму, а нормативные явления нередко утрачивают свою общеязыковую значимость»¹⁰.

В известной мере иногда наблюдается отрицательное отношение к заимствованию слов, особенно относительно реалий, не существовавших у нас и незнакомых нам раньше, напр., таких как названия модных товаров *bluzons*, *šorti*, таких объектов и явлений, как *kruīzs*, *voljers*, *stress* и др. По мнению В. Матезиуса, «с точки зрения языковой культуры,

⁹ Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 370.

¹⁰ Маковский М. М. Системность и антисистемность в языке.— М., 1980, с. 149.

усвоенное иноязычное слово, увеличивающее своей выразительностью богатство оттенков литературного чешского языка, является, по сравнению с неологизмами пурристов, построенным на базе родного языка, меньшим злом, если оно таким вообще является»¹¹.

В процессе нормализации латышского языка, как и всех других языков, следует больше внимания уделить вариантам языка, допустить более свободный выбор речевых средств. В латышском языкоznании в этом направлении сделано мало, хотя в других языках в последнее десятилетие проблема вариантиности стала одной из центральных. Особенно много внимания вариантам русского литературного языка уделяют языковеды Л. К. Граудина, К. С. Горбачевич и др.

В методологии марксистского языкоznания важнейшую роль играет диалектический принцип постоянного движения, изменения и развития; в языке действует закон единства и противоположностей как внутренний источник развития. Соблюдение этого закона и применение этого принципа составляют важную и сложную задачу нормализаторов языка.

«Наличие бесконечно разнообразной вариантиности — богатство развитого языка, позволяющее выражать массу семантических и стилистических оттенков и нюансов, важных в процессе общения»¹². Допуская вариантиные формы, мы можем способствовать развитию языка до оптимального уровня, сохранить традиции и открыть путь новым положительным тенденциям. Оптимальное сочетание традиции и новаторства — цель, к которой должны стремиться наши языковеды.

¹¹ Матезиус В. Указ. соч., с. 387.

¹² Филин Ф. П. Противоречия и развитие языка.— ВЯ, 1980, № 2, с. 18.